

ФУНКЦИЯ ДЕТАЛИ В РАССКАЗЕ И. С. ТУРГЕНЕВА «ЧАСЫ» (1875)

Г. А. Шпилева, В. А. Бондаренко, Е. А. Толчеева

Воронежский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 12 июня 2023 г.

Аннотация: в работе рассматривается функция фабульно и сюжетно значимой детали — часы, которая диктует определенный ритм тургеневского рассказа, меняя также и его пафос: от комического к героическому. Указанная деталь играет важную роль и при создании характеров героев, являясь сигналом смены настроений персонажей, создавая их психологические портреты.

Ключевые слова: часы, психологизм, фабула, деталь, сюжетно-композиционная система.

Abstract: the article focuses on the function of a meaningful composition and plot point, a watch, which sets a particular rhythm of Turgenev's story, changing as well its pathos (mood) from the comic to the heroic. This detail also plays an important role in establishing the personalities, being a signal of a change in the characters' moods, thus creating their psychological portraits.

Keywords: watch, psychologism, plot, detail, plot and composition system.

Тургеневские «Часы» созданы писателем в 1875 г., имеется подзаголовок: «Рассказ старика», и датируются воспоминания этим «стариком» 1850-м годом. Перед нами произведение, которое действительно создано по законам жанра рассказа, так как представлены «ситуация, факт, случай» [9, 51], способные отразить «весь мир» [Там же].

Данный рассказ достаточно большой, но изложенные в нем ситуации слишком однотипны (чтобы назвать произведение *повестью*): часы дарят, воруют, закапывают, пытаются продать, но логика всего повествования устремлена к наиважнейшему, кульминационному происшествию — центрообразующий предмет (деталь) подростки, главные герои, решают утопить, при этом один из них (Давыд) едва не погиб.

Повествование ведется ретроспективно (нарратор (его художественное время — с 1801 по 1850 гг.) вспоминает о своей юности): уже зрелый Алексей передает мысли и поступки достаточно наивных и искренних детей. Вследствие этого в произведении «много случайного и нелепого, вызывающего смех если не у читателя, то у главного персонажа» [11, 57], «старика». Тончайше организована грамматически выраженная характеристика действующих лиц («фразеологическая точка зрения», описание «разных героев различным языком», что, по мысли Б. А. Успенского, формирует «глубинную композицию» [12, 30]): «Что я хочу спросить у тебя, Давыдушко, как надо писать штоп? <...> штоп ты жив был» [10, 207]. Как видно, писатель маркирует лексему своим излюбленным приемом — курсивом (акцентирующим «социально-психологическую индивидуализацию» [14, 85]), и он в данном случае характеризует до-

брую, преданную, но пока еще безграмотную девочку Раису. Комический эффект (результат осознания несоответствия, противоречия детского мышления и принятой в мире взрослых нормы) вызывают слова, которыми юные герои планируют начать послание «Его превосходительству, господину сиятельному князю...» [10, 214]: «Будучи», «Движимые», «Сия малая лепта...». Алексей и Давыд собирались избавиться от часов, пожертвовав их «в пользу касимовских погорельцев». Город Касимов действительно «дотла сгорел, со всеми церквами» [10, 213].

По-детски воспринятые поступки отца, крестного, слуг и осмысленные взрослыми «шалости» детей создают ситуации анекдотические, поэтому в данном рассказе можно наблюдать след пражанра — *анекдота*. Анекдот, по замечанию В. Н. Тюпы, «не признает никакого миропорядка, жизнь глазами анекдота — это игра случая, непредсказуемое стечение обстоятельств, столкновение индивидуальных инициатив» [11, 15].

Соединение элементов двух жанров дает значимый результат: анекдотически парадоксально выглядят действия детей в восприятии «пожившего» Алексея, но «концепированный автор» (автор как «точка зрения»), то есть инстанция более высокая, нежели диегетический нарратор, рассматривает происходящее с позиции новеллистического мышления: каждое событие неслучайно, в нем отражается и проверяется независимо от возраста *весь* человек, его нравственная зрелость.

В произведении карманные часы — художественная деталь — стали «не периферийным моментом образного мышления» [3, 300], а стержнем, вокруг которого развиваются фабула («внешний жест») и сюжетно-композиционная система («внутренний жест»). Скользя из фабулы («цепь действий и пере-

мен, представленная в произведении, но мыслимая как нечто внешнее, что могло бы совершаться за пределами произведения» [4, 17]) в сюжет («это та же цепь действий и перемен, но взятая в развитии, совместно с развитием авторского взгляда от начала к концу произведения» [Там же, 18]), деталь выполняет различные функции.

В фабуле часы являются точкой отсчета, которая организует и связывает событийные узлы в их хронологии, в сюжете же они — важнейший показатель жизни внутренней, духовной. Эта деталь, с одной стороны, выявляет характер персонажей, с другой — напоминает о том, что у каждого человека отсчет его времени уже начался и продолжается, поэтому важна каждая прожитая минута. Кроме этого, часы являются образом, утверждающим право человека самому решать жизненные проблемы, всякий раз часы в руках персонажей — это еще и момент выбора поворота своей судьбы. Отметим, что «Часы» — очень «конфликтное» и остросюжетное произведение, но оно и поистине *тургеневское*, так как в нем, как всегда, «обнаруживается важнейший закон или внутренняя логика согласования любых противоречий (социальных, исторических, природных), без какого-либо противоестественного их разрешения» [1, 112].

Как и в любом произведении И. С. Тургенева, в рассматриваемом рассказе «натура человека не замкнута в себе: она открыта для объективных воздействий со стороны общества» [6, 128]. Часы становятся опредмеченным образом и общественно значимых вех, в рассказе много места уделено историческому движению, упоминаются известные каждому современнику даты: 1801, 1812, 1850-е годы. Нынешний читатель также получает возможность вспомнить о том времени больших надежд, когда к власти после устранения Павла I приходит молодой император («Дней александровых прекрасное начало», по словам А. С. Пушкина). Именно поэтому персонажи рассказа ждут из ссылки правдолюбца и «якобинца» дядю Егора. Упоминается легендарная Бородинская битва, так как Давыд, сын сосланного Егора и двоюродный брат Алексея, погибает, защищая Шевардинский редут.

Позволим себе предположить, что Давыд (не Давид) назван именно так в честь поэта и отважного партизана Д. В. Давыдова, и о подобных личностях напишет (в письме от 18 июля 1812 г.) поэт, публицист, участник боевых действий Отечественной войны Ф. Н. Глинка: «...полки никогда не имели таких прекрасных людей» [2, 226]. В своей работе «Люди 1812 года» Ю. М. Лотман описывает «военный быт», обусловивший «духовное созревание молодых офицеров» [5, 314]. Создается впечатление, что И. С. Тургенев «заглянул» намного раньше, а именно: как характеры этих будущих героев формировались в детстве.

Как видно, чему и следует быть в эпосе, частные

судьбы вливаются в мощный поток исторического времени. Личное (биографическое) время главного героя Алексея размечено, и вехами служат часовые механизмы, приобретенные в разные периоды жизни. Об этом нарратор сообщает в финале рассказа, создавая подводящую итог пуанту всей сюжетно-композиционной системы: «С тех пор много воды утекло и много часов у меня перебивало, я дошел даже до такого великолепия, что приобрел себе настоящий брегет <...> Но в потаенном ящике моего письменного стола хранятся старинные серебряные часы с розаном на циферблате...» [10, 224]. За фабульную хронологию «отвечают» те самые, первые, которые наделали много шума, они даже «вступают в борьбу» с большими часами с маятником, в столовой отцовского дома; именно под их зловещий бой юный Алексей совершает кражу *своих* злополучных часов из теткиной спальни: «Я молодец, я вор, я герой...»

Возвращаясь к сюжетному пространству, напомним, что часы (казалось бы, бездушный механизм!) проверяют всех персонажей рассказа на человечность, сообразительность, активность, самостоятельность мышления и поступков. Они, как художественная деталь, раскрывают суть отмеченных исследователем В. А. Недзвецким основных тургеневских концептов: «Неведомое (синонимы — **судьба** и неподвластное человеку **колесо**), **красота**, **молодость**, **искусство**, **свобода**, **энтузиазм**, «**право личности**» и «**современный человек**» [7, 38]. Подаренные мошенником-крестным «старые...плохие» часы сначала очень понравились мальчику, и это объясняется тем, что Алексей еще очень доверчивый, незрелый человек, его отличают пока только интерес к действительности и умение многое видеть и запоминать. Отец Алексея, к удивлению сына, остался подарком от своего жуликоватого компаньона недоволен, так как был неудовлетворен тем, что от него *этим* отделались. Это «переживание», конечно, фабульного (приключенческого), внешнего, причинно-следственного значения не имеет, зато сюжетно очень значимо, так как часы уже начали выполнять свою внутреннюю, психологическую функцию — выявлять степень благородства или малодушия людей. Дальнейшие события, связанные с «подарком», достаточно полно выявят натуру «ходатая по делам», отца — человека незлого, но слабого и поэтому часто поступающего нечестно. Подслушанные Алексеем словечко «*этим*» и сам диалог отца с крестным Настасеичем заставят мальчика начать анализировать ситуации, «разбираться в людях».

Тетка Алексея, «старая пятидесятилетняя дева», относится к часам благоговейно, хочет подарить их предмету своего обожания, семинаристу Транквиллитатину (лат. *tranquillitas* — спокойствие), так как этот, по словам Пульхерии Петровны, «видный мужчина, кавалер и даже гренадер» (а по мнению

мальчиков, глупый человек, обладающий «лошадиной» внешностью), внушал надежду даме, *улетшал* ее. Пульхерия Петровна, ограниченный и злой человек, ценит безделушку выше благополучия и жизни людей: она гораздо больше горюет об утонувших часах, нежели об едва не погибшем вместе с ними Давыде. Алексей же разделил толпу на тех, кто спасал тонувшего брата («...откачивать его надо. Это наш барчук!») и кто его осуждал: «Покарай его бог! Сбудьте его куда-нибудь, Порфирий Петрович, а то он еще такую беду наделает, что не расхлебаешь!» [10, 217]. Последнее пожелание принадлежит, конечно, тетке главного героя.

Бедные люди (образы которых расширяют социальный фон рассказа): слуги Василий и Юшка, семья отставного солдата — все ведут себя, заполучив разными путями «волшебные» часы, схожим образом. Им хочется что-либо получить за них, а действия, которые совершают «барчуки» (дарят часы, отбирают, закапывают, наконец, топят), кажутся задавленным заботами людям непростительной шалостью.

Особую сюжетную роль «заколдованные» часы сыграют в описании характера Давыда, чья жизнь через одиннадцать лет после описанных событий (датированных 1801 г.) не только трагически, но и героически оборвется на Бородинском поле. С этим персонажем в ткань рассказа входит *любовь* (к Раисе-«Черногубке»), ответственность за несчастную семью своей будущей невесты (с ней связан упомянутый выше тургеневский концепт *красота*), максимализм *молодости*, представление о *свободе* личности. К часам и подарившему их Настасею Настасеичу не по годам социально зрелый Давыд испытывает полное равнодушие («плохие») и даже презрение: «Потому, что человек он дрянй; а дрянй-человеку одолжаться не следует» [10, 191].

Итак, часы явились стимулом для поступков персонажей, движущим механизмом внешнего действия: читатель с интересом следит за приключенческой фабулой, обусловленной передвижением этого «подарка». Если фабула движется вслед за стремительно перемещающимися часами, то *нервом* сюжета является перемена чувств, *разное* отношение Алексея к этой удивительной *вещице*.

Сюжетно очень важна последняя, XXV главка, которую можно расценивать как эпилог произведения. В заключительной части на 16 строчках 5 раз упоминается слово «часы», еще несколько раз — сопутствующие им детали (вернее, по замечанию Е. С. Добиная, «подробности», так как, в отличие от единой, сюжетно- и жанрообразующей *детали*, они «воздействуют во множестве»): секундная стрелка, числа, «репетиция», циферблат. Эти образы призваны показать, как «с тех пор много воды утекло» и как «от времени до времени» пожилой Алексей вспоминает «молодые дни и товарища тех дней, безвозвратно улетевших» [10, 224].

На уроках внеклассного чтения в школах, которые нам довелось посетить, а также в некоторых методических рекомендациях проскальзывала мысль о том, что Алексей так и остался слабым и несостоятельным человеком, и расставание с Давыдом, уехавшим с дядей Егором и Раисой, «уничтожило» его. Отметим, что опускается смыслообразующий контекст, так как указанное слово окружено другими, не менее важными: «Меня, разумеется, разлука эта уничтожила; я словно осиротел на первых порах и потерял всякую опору в жизни и всякую охоту к ней» [10, 224].

Юный Алексей действительно *осиротел* и потерял жизненную опору, но только «на первых порах». В молодости Давыд, конечно, был неизмеримо сильнее и опытнее брата, но отметим, что в качестве диегетического нарратора неслучайно выступает психологически более близкий к «биографическому автору» Алексей. Можно предположить, что очень сдержанный, неэмоциональный Давыд, может быть, и не вспомнил бы впоследствии столь важную для брата историю с часами, отнесся бы к ней как к незначительному происшествию, вызванному стечением нелепых обстоятельств.

В портрете Давыда подчеркивается его плечистая фигура, «сила не по летам». Описание отличается грубоватыми эпитетами, вернее, «логическими определениями», например: «четырёхугольное» лицо, «небольшие» глаза, «короткие» пальцы и нос, «широкие» губы. Значимо замечание Алексея о том, что он подозревал Давыда в воровстве часов и обижался на него, но невинного брата это нисколько не волновало. Любопытно и то, что Давыд изредка усмехался «в нос», но никогда не смеялся громко, так как «считал смех признаком малодушия» [10, 191].

Функция, безусловно, справедливого и благородного Давыда состоит в том, чтобы быть опорой для Алексея — более чуткого, внимательного, эмоционального и тонкого человека. Расставание подорвало опору, которую давала главному герою дружба с более принципиальным и сильным человеком, но Алексей настолько напряженно вглядывается в жизнь, анализирует поступки и характеры, что можно быть уверенными: впереди его ждет будущее, полное ярких чувств.

Читая рассказ «Часы», как и другие произведения позднего И. С. Тургенева, понимаем, что пожилой писатель призывал «к безграничной любознательности, жадному интересу к жизни, природе, человеку» [8, 373]. Все тургеневские произведения, безусловно, являются «художественным свидетельством эпохи, наполненной богатейшим культурным и общественным содержанием» [13, 69], однако позднее творчество отмечено не только художественной тонкостью и точностью, но и особой, уже ностальгически выраженной любовью к жизни и к нравственной человеческой чуткости.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беляева И. А. «Отцы и дети» И. С. Тургенева как вечный «сюжет» русской жизни / И. А. Беляева // Тургеневские чтения: сборник статей. — М.: Экон-Информ, 2018. — С. 111–125.
2. Глинка Ф. Н. Сочинения / Ф. Н. Глинка. — М.: Советская Россия, 1986. — 352 с.
3. Добин Е. С. Сюжет и действительность. Искусство детали / Е. С. Добин. — Л.: Советский писатель, 1981. — 432 с.
4. Зарецкий В. А., Цилевич Л. М. Об основных направлениях сюжетологии / В. А. Зарецкий, Л. М. Цилевич // Сюжетосложение в русской литературе. Сб. статей. — Даугавпилс: Даугавпилсский педагогический институт, 1980. — С. 13–24.
5. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века) / Ю. М. Лотман. — СПб.: Искусство СПб, 1994. — 399 с.
6. Маркович В. М. Человек в романах И. С. Тургенева / В. М. Маркович. — Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1975. — 152 с.
7. Недзвецкий В. А. Концепты «любовь», «природа», «мироздание», «крест» и «долг» в художественном мире И. С. Тургенева / В. А. Недзвецкий // Тургеневские чтения: сборник статей. — М.: Экон-Информ, 2018. — С. 37–61.
8. Сквозников В. Д. Последние повести Тургенева (1870–1882) / В. Д. Сквозников // Тургенев И. С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 8. — М.: ГИХЛ, 1962. — С. 348–374.

9. Скобелев В. П. Поэтика рассказа / В. П. Скобелев. — Воронеж: Изд-во ВГУ, 1982. — 156 с.
10. Тургенев И. С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 8. Повести и рассказы. 1870–1882 / И. С. Тургенев. — М.: ГИХЛ, 1962. — 374 с.
11. Тюпа В. И. Нарратология как аналитика повествовательного дискурса («Архиерей» А. П. Чехова) / В. И. Тюпа. — Тверь: Тверской государственный университет, 2001. — 59 с.
12. Успенский Б. А. Успенский Б. А. Поэтика композиции. Семиотика иконы. Статьи об искусстве. — М.: Языки славянской культуры, 2005. — 360 с.
13. Шпилева Г. А. История русской литературы XIX века (1810–1840 гг.): А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Н. В. Гоголь, Ф. И. Тютчев, И. А. Гончаров, И. С. Тургенев, А. Н. Островский, А. А. Фет: учебное пособие / Г. А. Шпилева, В. А. Бондаренко, У. Ю. Борисова, О. А. Горбацевич. — Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2023. — 100 с.
14. Шпилева Г. А. «Чужое слово» как средство социально-психологической индивидуализации в романе И. С. Тургенева «Отцы и дети» / Г. А. Шпилева // Содержательность форм в художественной литературе. — Куйбышев: Изд-во Куйбышевского государственного университета, 1989. — С. 85–89.

Воронежский государственный педагогический университет

Шпилева Г. А., доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории и методики преподавания русского языка и литературы E-mail: 19alex04@mail.ru

Бондаренко В. А., кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка, современной русской и зарубежной литературы

E-mail: vikabondarenko1@rambler.ru

Толчеева Е. А., магистрант кафедры теории, истории и методики преподавания русского языка и литературы

E-mail: tolcheeva.lena@icloud.com

Voronezh State Pedagogical University

Shpilevaya G. A., Doctor of philology, professor of the department of the theory, history and methods of teaching the Russian language and literature

E-mail: 19alex04@mail.ru

Bondarenko V. A., Candidate of philology, senior lecturer of the department of the Russian language, modern Russian and foreign literature

E-mail: vikabondarenko1@rambler.ru

Tolcheeva E. A., Master's student of the Department of Theory, History and Methods of Teaching Russian Language and Literature

E-mail: tolcheeva.lena@icloud.com